

Воронич Т. В.

УО «Белорусский государственный экономический университет»,
Минск, Беларусь

Voronich T.

Belarus state economic university, Minsk, Belarus

УДК 070.1:340.114.6(476)(091)

**«ЦЕМНЯКІ», «БРУХАРЭЗЫ» И «НАША ПАЛПЦЫЯ» –
ПРАВОНАРУШЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ
«НАША НИВА» (1906–1915)**

**«TSEMNYAKI», «BRUKHAREZY» AND «OUR PALITSYA» –
OFFENSES ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER
«NASHA NIVA» (1906–1915)**

В газете «Наша Нива» регулярно поднималась и обсуждалась проблема правонарушений на территории Беларуси. В том числе рассматривались такие вопросы, как нелегальная эмиграция, противоправные действия полиции, проституция, убийства новорожденных, уход за детьми и их воспитание. Отдельно в газете выделялась проблема сельской преступности – так называемого хулиганства. Широкое распространение правонарушений было обусловлено целым рядом социально-экономических, культурных, национальных и других причин, таких как пьянство, так называемая темнота народа, негативное влияние города на деревню и т. д. Свои задачи «Наша Нива» видела в культурно-просветительской и воспитательной деятельности по борьбе с правонарушениями.

Ключевые слова: правонарушение; преступность; Наша Нива; XIX – начало XIX в.; эмиграция; полиция; дети; убийство; хулиганство.

The newspaper «Nasha Niva» raised and discussed regularly the problem of offenses on the territory of Belarus. Such issues as illegal emigration, illegal actions of the police, prostitution, murder of newborns, child care and upbringing of children were considered, the problem of rural crime was separately highlighted in the newspaper, which is called hooliganism. The widespread occurrence of delinquency was due to a variety of socio-economic, cultural, national and other reasons, such as alcohol abuse, so called «darkness of people», the negative influence of the city on the countryside, etc. The goals of Nasha Niva were cultural and educational activities to fight against offenses and enlightenment of people.

Keywords: offense; crime; Nasha Niva; XIX – early XIX centuries; emigration; police; children; murder; hooliganism.

«Наша Нива» на своих страницах поднимала и обсуждала самые разные социальные вопросы, в том числе и такую проблему, как правонарушения. Тема преступности и в целом правонарушений является одной из наименее изученных в современной белорусской историографии. Вместе с тем преступность является очень ярким индикатором всех социальных, экономических и культурных процессов, которые происходят в обществе, помогает понимать и анализировать самые разнообразные проблемы и происходящие изменения на определенном историческом этапе.

Одной из таких проблем, которая активно обсуждалась на страницах «Нашей Нивы», была нелегальная эмиграция населения белорусских губерний. Массовая эмиграция создала благодатную почву для мошенничества. Массовый поток эмигрантов шел в США, Бразилию. Наибольшее количество эмигрантов выезжало в США из Австрии, Германии и России. По данным «Нашей Нивы», в 1911 г. через порты Бремена, Гамбурга и Антверпена выехало свыше 255 тыс. эмигрантов, а в 1913 г. – уже почти 400 тыс. [19]. Стремительно увеличивался поток эмигрантов из Российской империи. В 1911 г. через порт Либавы (совр. Лиепая, Латвия) выехало свыше 35 тыс. человек, а уже в 1912 г. – свыше 57 тыс.

На территории белорусских губерний действовали различные конторы и агенты, в том числе нелегальные, которые оказывали услуги по оформлению выезда за границу. На территории Беларуси нелегальные (подпольные, тайные) агенты, пользуясь неграмотностью, в том числе и юридической, потенциальных эмигрантов, широко навязывали свои услуги и получали огромную клиентуру для своих мошеннических операций [9, с. 34–35]. В поисках клиентов агенты разъезжали по деревням и местечкам, активно рекламируя свои услуги, описывая сказочные условия жизни в Америке. Америка представлялась «золотым дном, дзе чуць што, на кожным плаце вісяць бліны, а пад платом макалка стаіць» [21]. Но агенты не знакомили переселенцев ни со стоимостью поездки, ни с правилами пересечения границы, ни с реальными условиями жизни и работы на новом месте.

По данным «Нашей Нивы», в 1912 г. легальная поездка в Нью-Йорк вместе с оформлением заграничного паспорта стоила 125 рублей. Тайные агенты, пользуясь неосведомленностью переселенцев, брали с них по 150 рублей [15]. По данным «Нашей Нивы», в 1911 г. непосредственно сам переход через границу стоил 50–70 рублей, дорога до Гамбурга

или Штеттина (совр. Щетин) – 20 рублей. Жители приграничных территорий также занимались бизнесом – перевод одного человека через границу стоил 15 рублей [9, с. 34–25].

В 1913 г. стоимость услуг официальных агентов уже возросла до 200 рублей. В эту сумму входило оформление заграничного паспорта и обязательный осмотр у доктора. Оформление паспорта в Российской империи стоило 15 рублей, занимало полгода и было сопряжено с выполнением целого ряда бюрократических формальностей [24, с. 34–35]. К тому же заграничный паспорт выдавался на полгода. За каждый просроченный год пользования паспортом начислялся штраф в размере 30 рублей. Это была одна из причин, по которой переселенцы ехали без паспортов. Агенты брали с эмигрантов те же 15 рублей за перевод через границу без паспорта.

Переселенцы, которые отправлялись в путешествие без заграничных паспортов, пересекали русскую границу «ночью, балотам, паўзком», переплывали реки и нередко заболели. Часто официальные (патентованные) агенты, получив информацию о переселенцах без паспортов, сообщали об этом в полицию. Беднякам даже не давали добраться до русской границы и возвращали домой.

Все тайные агенты действовали по одной отработанной схеме. Как правило, взяв деньги, агенты привозили переселенцев к границе и сбегали от них. Оставшись одни в чужой стране без знания языка, проблуждав несколько недель по пристани, неудавшиеся эмигранты возвращались домой.

Кроме того, агенты не знакомили эмигрантов с особенностями правил въезда в США. В данный период США ужесточают законодательство в отношении эмигрантов. Так, въезд был запрещен людям с инфекционными заболеваниями. Агенты либо не сообщали об этом переселенцам, либо организовывали для них фиктивный осмотр у такого же врача-мошенника. По результатам осмотра врач выдавал им справку о том, что человек здоров, либо назначал дорогостоящее лечение. Заплатив 10–15 рублей за три-четыре дня, человек «излечивался» от трахомы (инфекционное заболевание глаз) или туберкулеза. Будучи обманутыми, люди с инфекционными заболеваниями отправлялись в путешествие. На пристани перед посадкой на корабль в США осмотр врача был обязателен. На корабль инфекционных больных не пускали. Люди вынуждены были возвращаться домой.

Нередко агенты вступали в сговор с владельцами пароходных компаний, получая определенный процент с каждого приведенного пассажира [13].

Проблема нелегальной эмиграции имела глобальный характер. На территории Беларуси действовали международные преступные группировки. Нередко агенты работали в сговоре с американскими землевладельцами либо сами были владельцами обширных плантаций, вербуя здесь дешевую и бесправную рабочую силу. Так, по данным «Нашей Нивы», в 1913 г. некий Гутман активно агитировал крестьян к переезду в Бразилию, рассказывая, что в Бразилии дешевая земля, нет никаких налогов. Выяснилось, однако, что сам Гутман является владельцем обширных кофейных плантаций в Бразилии, а эмигранты работали фактически на условиях рабов. Проблема получила международную огласку. Русский консул в Рио-де-Жанейро вынужден был обратиться с соответствующим заявлением к местным властям с целью прекращения фактически торговли людьми. Однако проблема решена не была. Позже выяснилось, что этот Гутман развернул широкую деятельность в Англии. В Лондоне он открыл свою контору, ставшую центром его деятельности [21].

Даже попадая в Америку, эмигранты не всегда могли устроиться на новом месте, найти работу, жилье и начать новую счастливую жизнь. Они не знали языка, местных правил и законов, не ориентировались на рынке труда и в поиске жилья, не имели никаких контактов для получения помощи. Переселенцы вынуждены были возвращаться домой.

Готовясь к эмиграции, крестьяне продавали свои дома, хозяйства. Фактически все эти деньги переходили в руки мошенников. «Наша Нива» в 1913 г. описывала историю одной группы переселенцев в Бразилию. На станции Пуховичи центром внимания стала группа из 16 семей, которые возвращались домой в Игуменский повет. Оказалось, что на заработки они решились ехать под воздействием рассказов некоего агента, представителя эмигрантской конторы Мисьлера из Бремена. Планируя переезд, крестьяне продали свои дома и землю. Все эти деньги практически полностью затем присвоили себе агенты в качестве оплаты за проезд и питание. На пароходе, на котором они плыли в Бразилию, были просто нечеловеческие условия – «абыходзіліся з імі як са скацінай» – умерло 10 детей. В самой Бразилии по дороге к месту назначения умерло еще трое детей и двое мужчин. Часть пути они шли

пешком, поскольку не было денег на железнодорожные билеты. По дороге в лесу их настигло наводнение. В Уругвае им удалось собрать немного денег, добраться до Буэнос-Айреса и вернуться в Россию, где «их чакае цяжкая доля». Положение этих людей было настолько бедственным, что пассажиры собирали им деньги на питание [25].

«Наша Нива» в 1913 г. отмечала, что ежедневно из Америки возвращается по 300–400 человек [22]. Однако это не останавливало искателей лучшей жизни. Ежедневно в Америку отправлялось 500–600 эмигрантов. Желающих было столько, что им не хватало мест на кораблях. В Либаве одновременно собиралось до 2650 человек в ожидании отправки в Америку [25].

Для организации легального переезда в Америку в Вильне было создано и действовало Товарищество опеки над эмигрантами [13], которое бесплатно оказывало юридическую и организационную помощь. Однако это не решило проблемы. Крестьяне по-прежнему становились жертвами тайных агентов.

Проблема массовой эмиграции, которая приводила в итоге к оттоку самого лучшего и трудоспособного населения, заключалась в экономической политике самих российских властей [25]. По мнению автора «Нашей нивы», требовалось реформирование экономики, предоставление дешевого кредита, повышение оплаты труда и т. д., чтобы сделать работу в Российской империи настолько же привлекательной, как и в США [25].

Еще одной проблемой, которая привлекала пристальное внимание газеты «Наша Нива», были нарушения закона сотрудниками правоохранительных органов Российской империи. На страницах газеты регулярно публиковались статьи о противоправных действиях полиции не только местного, но и общероссийского масштаба.

Широкое освещение в «Нашей Ниве» получили факты массовых избиений и пыток политических заключенных в тюрьмах Прибалтийских губерний. Политических заключенных, в том числе и несовершеннолетних, избивали, зверски пытали, добываясь от них необходимого признания, а затем расстреливали. В Думе был заслушан доклад специальной комиссии, в котором описывались пытки над заключенными – людям ломали кости, вырывали ногти и волосы, выдавливали глаза, избивали до такой степени, что мышцы начинали отслаиваться от костей, раны посыпали солью. Министр же юстиции все опроверг, заявив, что начальство тюрем ничего противозаконного

не совершалось. А если что-либо и происходило, то исключительно по вине самих заключенных [2, 3].

Давать правовую оценку действиям сотрудников полиции авторы не могли, но описать события ярко, образно и тем самым выразить свое отношение к событиям они умели.

В «Нашей Ниве» в 1914 г. появилась заметка – события происходили в Дисне. К одной женщине пришли городовые, которые должны были взыскать долг. В счет этого долга городской Мишута решил забрать у женщины часы. Однако женщина воспрепятствовала этому. Городовые схватили женщину за руки. Произошла потасовка, в результате которой городской сумел таки отобрать часы. «Старая ўжо відаць адвыкла ад няняк дык яна і неўпадабала такой работы: пасля выхаду гарадавых дзве гадзіны спусьця – памёрла». В соответствии с законом было проведено вскрытие тела умершей женщины при понятых. Понятые видели синяки на руках женщины, рану в боку женщины от удара часами и порваную на ней одежду. Но вот определить причину смерти понятые не могли, поскольку не врачи. Полиция же после вскрытия тела запретила говорить о том, что женщина убита, «а што яна памерла са злосці». И, как отмечает автор статьи, «...яно мусі так і было, бо каб кабета была забітая, дык Мішута пэўне-б не служыў гарадавым, а то ён як служыў, так і служыць». Ситуация была очевидной. Городовые превысили служебные полномочия, применили насильственные действия по отношению к женщине, что привело в итоге к ее смерти. Однако руководство полиции решило скрыть этот факт и никаких мер по отношению к своим подчиненным применять не стало [3].

Общество, остававшееся традиционным, сохраняло и поддерживало приоритет физической силы и власти, а не верховенство закона. В 1913 г. в «Нашей Ниве» появилась заметка «Наша паліцыя». В Саратовской судебной палате рассматривалось дело урядника и стражника, которые истязали крестьянку. События произошли еще в 1908 г. в одной из деревень Саратовской губернии. Урядник и стражник в пьяном виде ночью зашли в один из крестьянских домов и стали производить «обыск», требуя водки и денег, а затем решили расстрелять и саму хозяйку дома. Женщину поставили к стене, однако пуля прошла мимо. Тогда с женщины стали требовать присягу о том, что она будет молчать и никому ничего не расскажет, стали пытать и избивать ее, выбив ей все зубы. Женщину мучали до самого утра. Утром ее в луже крови обнаружили соседи и попытались отвезти в больницу. Однако появившийся

урядник пригрозил всех расстрелять. Только обманом удалось завезти женщину в больницу. Попытки крестьян обратиться к властям тоже не удались. Поражают жестокость и уверенность в полной вседозволенности и безнаказанности действий сотрудников полиции. Пользуясь наличием оружия в руках, «представители закона» держали в полном подчинении все население деревни, совершая преступления. Только спустя два с половиной года, в августе 1910 г., дело случайно попало в суд. В итоге урядник и стражник были приговорены к четырем годам арестантских рот каждый [21].

Данный дикий случай был проявлением той тенденции, которая существовала в обществе. Низшие полицейские чины, пользуясь безнаказанностью и тем, что закон был на их стороне, хотя бы потому, что в их руках были оружие и власть, не стремились соблюдать законность своих действий и превышали свои власть и служебные полномочия. Особенно ярко это проявлялось в отношении низших слоев населения. Отдельную категорию в этом отношении составляли пьяные. Для любого кирмаша они были обычным явлением. Как отмечает один из авторов «Нашей Нивы» Смургонец, во время кирмаша в Сморгони «не здівішся надта, калі відзіш іншы раз, як аднаго за другім цягнуць стражнікі пьяных у “рыштанскую”, і бывае, што злось і смех разбірае, гледзючы на п'янага і абapol яго двух стражнікаў, схапiўшых таго за што толькі можна ўчапiцца. Нап'эўна ведаеш, што той п'яны не далiчыцца аднаго, або двух гузiкаў на сваёй кажарынцы. Але-ж добра знаеш i тое, што гэта ён – п'яны, а стражнікі цвярозы...» [31]. Однако в один из кирмашей все пошло не по плану. Пьяных не было, арестовывать было некого. Но жертва все же нашлась. Стражники решили прицепиться к одной женщине, чей воз стоял там, «где не нравилось стражникам». Один из стражников «облаял» женщину. «Тая паслала яго лаянку да той асобы, што на чатырох лапах бегае». «Загарэлася стражніцкае сэрца». Стражники решили арестовать ее. Женщина начала спорить. Стражники запрыгнули на ее воз, схватили бедную женщину за волосы и стали ее бить. Женщина подняла крик, на который сбежалась толпа народа. Появился и ее муж. Досталось и ему как «соучастнику». «Воз, видишь ли не там стоял. Оскорбление чести совершено!»

В заключение автор пишет: «Кончылі з бабай. Гарыць і рымiць стражніцкае сэрца ад нуды – арэштаваць няма каго... У астатку дня яны ўжо вадзілі на “вытрэзвенiе” самi сваiх» [31].

Коррупция, взяточничество были частью повседневной жизни полиции. В 1912 г. на страницах «Нашей Нивы» собственный корреспондент Тутэйшы рассказывал о ситуации в Радошковичах, когда следователь в течение двух месяцев так и не начал уголовное дело по факту убийства крестьянской женщины. Женщина была убита выстрелом из оружия неким паном Григоровичем лишь за то, что она собирала в его лесу грибы. За эти два месяца бездействия следователя Григорович успел скрыться за границей. «Бог ведае як будзе, трохі і шкада гэтага следавацеля, бо ён чалавек ня кепскі...». Человек и неплохой по сути, но своим бездействием помог преступнику скрыться [17].

Особой критике подвергались действия полиции по охране общественного порядка. В соответствии с законодательством Российской империи митинги и собрания были запрещены. Тем не менее действия полиции по применению этого закона были избирательны. Оппозиционные собрания и прочие другие запрещались, в то время как провластные общественные мероприятия оказывались за рамками действия закона.

В 1913 г. сборок «Нашей Нивы» Степан Сельчук писал: «У нашим горадзе (т. е. Бобруйске), як і ўсюды, добрым людзям ня можна сабірацца, пагаварыць аб тым, каго выбіраць у Гасударственную думу, кабы выбраць у яе чалавека, каторы стаяў бы за жадання працавітага народу. Адным толькі “істінно рускім людзям”, тым, што думаюць толькі пра сабе, ня хочучь народу дабра, можна сабірацца калі і як яны захочуць» [1].

В 1908 г. «Наша Нива» сообщала, что в Пинске «ня глядзячы на тое, што па закону ня можна рабіць сходаў і сабранняў, Тополеву не прашкаджае ніхто збіраць народ на рынку, на вакзале, на берагу ракі і весьці чорнасоценныя гутаркі. За ўсю сваю “працу” ён дастае пенсію ад “Саюза рускага народу”» [5, с. 6–7]. В том же 1908 г. в местечке Мир был оштрафован учитель за «незаконное собрание» на 50 рублей. Вся «незаконнасць» была в том, что к хозяйке, где проживает учитель, «приходило много молодых людей, бо ў яе ёсць дочка» [4, с. 5].

Ситуация порой доходила до абсурда. В 1909 г. в местечке Красное Виленской губернии Вилейского повета урядник даже пытался запретить празднование Купалья. Как предполагает корреспондент «Нашей Нивы», лишь только потому, что на празднике присутствовали два учителя из Ковенской губернии. Они совершали велосипедный тур в Крым, причем для этой поездки имелись все необходимые разрешения. Про-

езжая через местечко, они остановились заночевать у местного учителя, а узнав, что ночью идут гулянья, отправились на праздник, что и вызвало страшные, вероятно, подозрения у местного урядника. Гулянья были объявлены незаконной сходкой, из Молодечно были вызваны два жандарма, вместе с которыми урядник наблюдал за гуляющими, спрятавшись в кустах. После того, как все разошлись, был составлен протокол «такі несправядлівы, што не дай Бог». В протоколе, например, было указано, што на гулянье присутствовали жители, которые в названное время вообще находились дома со своими малолетними детьми [6].

Данные факты не представлялись как нечто сверхъестественное и исключительное, выходящее за рамки повседневной жизни. Стиль изложения материала, ирония и сарказм, с которыми подавался материал, указывают на то, что это было обыденностью, частью повседневной жизни и нормой для поведения полицейских служащих.

Особо на страницах «Нашей Нивы» можно выделить женскую тему преступности, когда жертвами либо преступницами были сами женщины. Так, на страницах издания периодически поднималась тема проституции. В газете описывались схемы вовлечения девушек и женщин в проституцию, обсуждалась проблема международной торговли женщинами, особый акцент делался на детскую проституцию.

Отдельно необходимо выделить группу преступлений, в которых жертвами были дети. Преступницами здесь преимущественно становились женщины. Матери, стремясь избавиться от нежеланных детей, убивали их. В 1912 г. в Несвиже в колодце был обнаружен труп заживо утопленного ребенка с привязанным к нему камнем [11]. В 1913 г. из Белостока была отправлена посылка. По месту назначения за почтовым отправлением никто не пришел, вскоре появился очень неприятный запах. Когда посылку вскрыли, то обнаружили в ней труп ребенка [23].

Очень часто дети погибали, поскольку были оставлены без присмотра взрослых. Сельские женщины уже на второй-третий день после родов выходили на полевые работы, беря новорожденных детей с собой. Дети находились фактически без присмотра. Так, в 1912 г. в Горечком уезде произошел типичный случай – женщина оставила своего ребенка в люльке на краю поля. Порывами ветра ребенка несколько раз выбрасывало на землю [16]. Нередко дети становились жертвами бытовых ссор и драк взрослых. Так, в Вилейском уезде во время драки зацепили колыску, ребенок выпал и погиб [12].

Часто погибали оставленные без присмотра дети в возрасте от одного года до 8–10 лет. Они еще не могли сами зарабатывать, но формально уже были самостоятельные – умели ходить. Присматривать за ними было некому. Детей воспитывала улица, часто они становились жертвами несчастных случаев. Так, в Дисненском уезде родители, вернувшись домой с полевых работ, нашли четырех своих дочерей в возрасте от 1 до 8 лет мертвыми в куфаре. Предположительно девочки играли и закрылись в куфаре, но вот открыть его не смогли и задохнулись [18].

Предоставленные сами себе, дети пытались имитировать поведение взрослых, начинали рано употреблять алкоголь [27]. Нередко сами родители брали своих малолетних детей с собой в шинок [8]. Неблагополучная семейная обстановка, отсутствие воспитания и контроля приводили к тому, что дети и сами становились преступниками.

Такое достаточно пренебрежительное отношение к детям, обесценивание значимости жизни ребенка было обусловлено тяжелыми условиями жизни и стало частью менталитета. Это нашло отражение в выражении «Калі на жывое – будзе жыва, калі на мёртвае – памрэ» [16].

Отдельно «Наша Нива» выделяла проблему правонарушений в сельской местности. Для определения правонарушений сельского населения использовалось специальное выражение «вясковае хуліганства» (буянства, брыдкае свавольства). Причем под «хулиганством» понимался самый широкий спектр правонарушений – от хулиганства в его современном понимании до краж, разбоев и убийств.

«Наша Нива» с первого года издания в каждом номере публиковала сообщения о различных правонарушениях. Первоначально это были небольшие заметки, которые просто сообщали о самом факте совершения какого-либо проступка в той или иной местности, где были корреспонденты «Нашей Нивы». Причем газета публиковала факты о самых жестоких убийствах с жуткими живописными деталями. В большинстве случаев какие-либо авторские комментарии к описываемым событиям отсутствовали. С 1912 г. формат издания и самих публикаций изменился. Газетные заметки о правонарушениях стали сопровождаться заголовками, через которые автор очень образно и довольно эмоционально давал свою оценку описываемым событиям. Кроме того, появились аналитические статьи, в которых авторы ставили проблему, анализировали причины ее возникновения и рассуждали о возможных путях ее решения.

Названия статей были очень яркими и четко передавали суть той идеи, которую автор хотел донести до читателя, – «Чалавек чалавеку воўкам», «Звяр’ё, а не людзі», «Брухарэзы», «Здзічэнне», «Прапіваюць розум, дабытак і жыццём прыплачваюць», «Агідлівае бацькаубійства», «Жніво цемры» и т. д.

В 1914 г. была опубликована статья Жылака «Звяр’ё, а не людзі». В ней описывался случай с сельской свадьбы. Гости возвращались домой со свадьбы на подводах. По пути необходимо было пересечь по льду замерзшую реку. Лед оказался непрочным, и лошади ушли под воду. Местное население вместо того, чтобы броситься спасать лошадей, стало торговаться с хозяином о стоимости своих услуг. В заметке «Брухарэзы» рассказывается о том, что на сельской свадьбе один из гостей сломал скрипку. Возникла ссора, во время которой одному из парней распорол нож животом. От полученных ранений он умер. Автор задается риторическим вопросом о том, что «убийц ссылают на каторгу, а все-таки их число, число хулиганов растет и растет» [26].

В 1913 г. Ф. Красовский в статье «Здзічэнне» описал драку, в которой на одного сельского парня напали трое с ножами и камнями. В результате парню было нанесено свыше десяти ножевых ранений, от которых он и умер. Подводя итог, автор восклицает: «O tempore, o mores!»

В 1913 г. одна молодая женщина возвращалась из Америки и заночевала в околице Кибраты (совр. Кибартай, Литва). Во время разговора с хозяевами дома, в котором она остановилась, женщина призналась, что везет с собой 600 рублей, заработанных в Америке. Спать женщину положили около печи. Ночью хозяин вышел из дома, а хозяйка, сославшись на то, что ей холодно, поменялась с женщиной спальными местами. Вернувшийся хозяин с размаху ударил топором по голове лежавшую возле печи. Женщина, которой этот удар и предназначался, выскочила в окно. Прибежавшие соседи увидели страшную картину: возле печи окровавленный труп хозяйки и повесившийся хозяин в доме.

В 1913 г. в Свенцяном уезде один из рыбаков вытянул из реки вместо рыбы человеческую ногу. Вскоре полиция нашла и другие части тела. Один из местных крестьян Язэп Якович рассказал, что его отец вернулся домой пьяным и начал ссору с матерью, во время которой женщина убила своего мужа. Язэп, чтобы спасти свою мать от суда, расчленил тело отца и постарался его спрятать [20].

Первоначально складывается впечатление, что редакция газеты целенаправленно публиковала факты крайне жестоких преступлений для увеличения читательской аудитории. Но изменившийся формат газеты в 1912 г. показал, что цель была несколько иной. Знакома публику со случаями страшных преступлений, «Наша Нива» прежде всего проводила просветительскую и воспитательную работу. Через публикацию таких сообщений редакция показывала, до какой степени жестокости может дойти человек, лишенный общечеловеческих нравственных норм и ценностей и попавший в неблагоприятные жизненные условия. Публикуя информацию о преступлениях, «Наша Нива» проводила профилактическую работу по борьбе с преступностью, как бы предостерегала своих читателей от совершения преступлений¹.

Причины широкого распространения совершения правонарушений (и особенно таких жестоких преступлений), как и методы борьбы с ними, которые называли авторы «Нашей Нивы», были различными. Но в полемику авторы друг с другом не вступали, поскольку, хотя их концепции и отличались, но они не противоречили, не взаимоисключали, а скорее взаимодополняли друг друга.

По мнению одних авторов, причина преступности заключалась в пагубном влиянии города на деревню. Авторы указывали на особенно широкое распространение в сельской местности среди сельского населения правонарушений за последние 15–20 лет. По утверждению Задзисенкавича, «гадоў 15–20 таму наша вёска была папраўдзі “ціхая, спакойная і добрых абычаяў”», а Лемеш отмечает, что «гадоў яшчэ 10–20 людзі

¹ «Наша Нива» действительно занималась профилактической работой по предупреждению преступлений. Свою задачу газета видела также в том, чтобы знакомить читателей с различными преступными схемами и тем самым предостерегать, чтобы они сами не становились жертвами преступлений. В рассматриваемый период на территории Западных губерний Российской империи действовала хорошо организованная преступная группа, так называемые «аферисты». Мошенники обманным путем выманивали у людей большие суммы денег, обещая взамен гораздо большие суммы фальшивых денег, которые, по их словам, невозможно было отличить от настоящих. В действительности жертвы, которые, по сути, становились уже соучастниками преступления, получали, как правило, обрезки бумаги и газет [32]. Несколько таких мошеннических случаев было описано в «Нашей Ниве» в 1909 г. В заключение редакция пишет: «Той, хто чытае газеты, не даў бы гэтак падмануць сябе».

славіліся справядлівасцю і добрымі абычаямі». Тэпер же «па нашых вёсках адно і чуваць, што разбоі, ашуканствы, шэльмаўствы і лаянка, лаянка...». По всему краю одни лишь только водка, карты и разбои [29]. А. Петр-вич, описывая культурный уровень ряда деревень одной из волостей Виленского уезда, говорил, что молодежь писать и читать не умеет, а все время проводит за картами и водкой.

Распространение правонарушений, снижение культурного уровня народа, падение нравственности авторы «Нашей Нивы» связывали исключительно с влиянием города, городской цивилизации. «Не культура и цивилизация идет в нашу вёску, а *грязь культуры и цивилизации*» – «па праўдзе нічога добрага мы не прыдбалі з навінак, якія праз горады ўціснуліся ў нашу вёску, а страцілі многа» [29].

Эту «грязь культуры и цивилизации» привозит и распространяет сельская молодежь, которая отправилась в город для получения образования или на заработки. Свой «вклад» вносили и бывшие солдаты – «стоит лишь только послушать и посмотреть», что те же солдаты «сеют в душах молодых поколений і какой дают прімер», «то мороз пойдет по коже і на душе станется тяжело до слез» [29].

Молодежь приносит в свои вески «навінкі», ад каторых ... пачынаюць гніць людзі душой і целам». «Бывальцы» (т. е. бывшие солдаты) приносят «пакалечаную чужую мову, непристойныя карчомные, і горэй таго песьні, “меткіе словечкі” гарадзкіх вуліц, – далее ... разбойніцкую удаль нажавікоў з гарадзкіх трушчоб і пьянства ды карцёжніцтва» [29].

Задзисенкавич признает, что «большие города имеют очень много хорошего, имеют культуру и науку, но...», «...але цёмныя і пустыя галовы шукаюць пустога і цёмнага, што і знаходзяць на гарадзкіх корчмах ды публічных дамах і інш. Ныраюць, пабыўшы ў горадзе па вушы ў гарадзкім балоце, у гарадзкім брудзе і гэты бруд прыносяць у вёскі. Каб нашы “эдукаванныя” па гарадзкому “панічы” прынасілі толькі расейскіе песьні і расейскую мову, то гэта яшчэ нічога, з гэтым яшчэ можна было б мірыцца. Праўдзівай культуры расійскай яны не прыносяць, а прыносяць грязь расійскай культуры – брыдкія лаянкі і брыдкія абычаі, каторых ня толькі ўсякая культура, але ўсякі чысты сколькі небудзь чалавек, староніцца і бароніцца» [14].

Причина таких изменений в поведении молодежи виделась в отречении от белорусского языка, народных традиций и обычаев – молодежь «найперш навучаецца пагарджаць роднай мовай і абычаямі,

лічыць селяніна нечым шмат горшым аб сябе, а ўсё чужое, хоць і благое, добрым» [14].

Решение проблемы «Наша Нива» видела в расширении использования белорусского языка, воспитании любви к своему родному языку, традициям и культуре. «І гэтак яно будзе датуль, пакуль наша мова не заваюе сабе правоў у нашым краі, пакуль ей людзі інтэлігентныя ня будуць гаварыць, бо толькі тады і просты селянін зразумее, што і ён такі самы чалавек, як той гарадзкі, што і ў яго дома ёсць нешта добрае, чаго німа патрэбы мяняць на тое найгоршае, што цёмны чалавек пріносіць з сабой з горада ў вёску». Особая роль отводилась белорусам-интеллигентам, прежде всего учителям. И помогала им в их миссии газета. «А каб гэту працу лягчэй было вам выпоўніць, трэба самім вам выпісаць нашу думку-газету “Нашу Ніву”». Учителя должны были организовывать белорусские читальные кружки, устраивать белорусские вечеринки с белорусскими танцами, приглашать на них сельскую молодежь, «вучыць яе дораго, вечнаго і паказываць усю красу свайго роднага, каб народ скарэй забыў паскудныя песьні, якіх навучыўся у прыхаўшых з гарадоў “франтаў” і салдатаў, што вярнуліся дамоў» [28].

Причину называют, но не принимают. Именно в темных и пустых головах и была проблема того, что молодежь не выдерживала соблазнов большого города. Молодежь из бедных тихих деревень привлекали шум, блеск, роскошь городов, которые по сравнению с деревнями выглядели центрами цивилизаций. Бедность, нищета и доступность легких путей обогащения в городе толкали молодежь на преступления. Проблема была не в городе, а в бедности и «забитости» деревни.

Еще одна причина широкого распространения правонарушений заключалась в так называемой «темноте» народа («беларуская цемната», «вясковая цемната»), которая собирала богатый урожай в виде преступлений (по мнению автора материала «Жніво цемры»).

Четкого определения тому, что такое «темнота», «людская темнота», в «Нашей Ниве» нет. Но она противопоставляется свету, образованию, культуре, моральной чистоте, религиозной и национальной толерантности, терпимости и т. д. Отсюда «темноту» можно интерпретировать как необразованность, некультурность, отсутствие уважения и понимания друг к другу, нетерпимость и т. д.

Люди, которые живут под властью этой темноты, темные люди. Но «Наша Нива» вводит еще одно понятие – «цемянікі» – темные люди,

которые стали на путь преступлений – разбойники, злодеи, убийцы, т. е. преступники. Если так можно интерпретировать, то цемняки – это те, кто пошел на службу темноте.

Так, в заметке «Цемнякі» описывается один случай. В деревне Борисовского уезда трое парней сожгли пуню и 22 девушек. Спасаясь от ареста и суда, они сбежали в лес и стали «хадзіць цемнякамі». В лесу к ним присоединилось еще двое цемняков, которые тоже совершили убийство. Они соорудили землянку в лесу и стали вместе совершать разбойные нападения. Впоследствии один из них сам сдался властям, двоих удалось арестовать, а остальные так и «ходзюць цемнякамі».

Автор Артем Живица писал: «Супольнымі сіламі, пакінуўшы нацыянальную і рэлігійную гразню, павінны ўзяцца ўсе жывыя сілы старонкі нашай за пільную працу над прасвятленнем цемры вясковага жыцця і рабіць гэта не дзеля тых ці іншых ідэалаў, а дзеля вечнай праўды сумлення людзкога, дзеля яснай для ўсіх будучыні» [28]. Для борьбы с темнотой предлагалось открывать школы, библиотеки, читальни-клубы, проводить спектакли, устраивать кинематограф, организовывать песенные кружки и кружки артистов-любителей, читать разнообразные лекции и т. д. Именно в этом виделось «просветление» народа и решение проблемы «цемры».

«Наша Нива» ставила задачу не только национального, но и морального возрождения. «І глядзючы на ўсё гэта з'ўляецца пытанне: ці мы калі адродзімся? <...> Ці знайдзецца ў нас людзей такіх, каторыя-б пасвяціліся высокай апостальскай працы адраджэння ўміраючай бацькоўшчыны? Адраджэння яе моральнага і нацыянальнага, а перш за ўсё моральнага».

Еще одной причиной широкого распространения правонарушений, называемой рядом авторов, было пьянство, которое оказывало разрушающее воздействие на личность человека. «Страшна глядзець, што нарабляе гарэлка; шорхне скура ад жаху, як паглядзіш на тыя злачынствы, на якія адважваюцца п'яныя людзі!» [24].

Абсолютное большинство авторов «Нашей Нивы» полагало, что необходимо искоренять пьянство, источник зла и всех бед, тогда исчезнет и преступность, прекратится хулиганство. Для этого надо закрыть все монопошки и шинки, а вместо них организовать народу культурно-образовательный досуг.

Но такой взгляд на проблему, когда преступление являлось исключительно следствием употребления алкоголя, был слишком

упрощенный, поскольку пьянство было следствием ряда социальных проблем, а не их причиной, и скорее было сопутствующим условием совершения преступлений. И не так называемые монополюшки и тайные шинки становились причиной массового пьянства населения. Как отмечал Язеп Л., «калі-б нават зачыніць іх усё чыста на сьвеці, усё роўна карысці ня будзе; яшчэ прылучацца нуда, маркота, вар'яцтва, самагубствы» [24]. Водка среди всеобщей бедноты и нищеты становилась единственным доступным, пускай и кратковременным, способом расслабления, быстрого удовольствия и наслаждения после тяжелого трудового дня. «Покі існуе парадак, дзе людзям і тхнуць нельга, покі і прамення радасці блішчаць толькі і гарэлцы, да тых пор шынкi не звядуцца <...> Людзям патрэбны не пьянства, не распуста, а лепшая доля. Пьянства ня ў людзях і ні ад людзей: яно ў жыцці і ад жыцця». Здесь же Язеп Л. отмечает, что «пьянства, як і хуліганства, гэта пратэст проці сучаснага становішча. Дзікі гэта пратэст, не разумны – дык што ж зробіш?» [24].

По мнению Язеп Л., какие-либо моральные способы воздействия и попытки перевоспитания человека бесполезны. «Той, хто спадзяецца, што можна ўтаварам, сорамам або страхам звязці пьянства, распуста, той толькі шкоды наробіць самому сабе. Ён марна страціць веру ў людзей, дарэмна ўтаміцца, папсуе все добрыя пачуцці і прыдбае перакананне, што людзі надта разбэсьціліся» [24].

Решение проблемы заключалось в улучшении жизненных условий крестьян. «Перш за ўсё трэба даць людзям есці, трэба апрануць іх, даць можнасьць ператхнуць, сапачыць, а потым... рэшта сама дадасца ім. Дбайма аб тое, каб мелася страва і ля цела і ля душы, дайма людзям іншую радасць, лепшую долю» [24]. Для решения социальных проблем необходимы экономические преобразования, которые должны были повысить прежде всего жизненный уровень населения.

Таким образом, проблема правонарушений была одной из актуальных тем, которые поднимались и активно обсуждались на страницах газеты «Наша Нива». Наряду с вопросами национального возрождения ставился также вопрос морального возрождения народа. И в этом процессе «Наша Нива» обозначила свою культурно-просветительскую и воспитательную роль.

Список использованных источников

1. Сцепан Сельчук. Бабруйск // Наша ніва. – 1907. – № 1. – С. 4 (Факсімільнае выданне. Вып. 1. – Мінск: Тэхналогія, 1992. – С. 4).
2. Государственная Дума. Заседание 10 апреля // Наша ніва. – 1907. – № 16. – С. 2–3 (Факсімільнае выданне. Вып. 1. – Мінск: Тэхналогія, 1992. – С. 2–3).
3. Государственная Дума. Заседание 16 мая // Наша ніва. – 1907. – № 20. – С. 2–3 (Факсімільнае выданне. Вып. 1. – Мінск: Тэхналогія, 1992. – С. 2–3).
4. Я. К. М. Мір // Наша ніва. – 1908. – № 11. – С. 5 (Факсімільнае выданне. Вып. 1. – Мінск: Тэхналогія, 1992. – С. 5).
5. Пінск // Наша ніва. – 1908. – № 12. – С. 6–7 (Факсімільнае выданне. Вып. 1. – Мінск: Тэхналогія, 1992. – С. 6–7).
6. Не вучіцель // Наша ніва. – 1909. – № 27. – С. 408–410 (Факсімільнае выданне. Вып. 2. – Мінск: Тэхналогія, 1996. – 768 с.).
7. Стэфан Браخالка. М. Гарадок // Наша ніва. – 1909. – № 34. – С. 497–498 (Факсімільнае выданне. Вып. 2. – Мінск: Тэхналогія, 1996. – 768 с.).
8. Язэп Бурачок. Прусін // Наша ніва. – 1910. – № 10. – С. 164–165 (Факсімільнае выданне. Вып. 3. – Мінск: Тэхналогія, 1998. – 800 с.).
9. А. Уласоў. Эміграцыя ў Амерыку // Наша ніва. – 1911. – № 3. – С. 33–35 (Факсімільнае выданне. Вып. 4. – Мінск: Тэхналогія, 2003. – 684 с.).
10. Наша ніва. – 1912. – № 2. – (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
11. Броніс. Несьвіж // Наша ніва. – 1912. – № 11. – С. 4. (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
12. А. Скурка. Няверы // Наша ніва. – 1912. – № 11. – С. 4. (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
13. Галіна Крэмер. Таварыство апекі над эмігрантамі // Наша ніва. – 1912. – № 7. – С. 2 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
14. В. Явар // Наша ніва. – 1912. – № 25. – С. 4 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
15. Падмога эмігрантам // Наша ніва. – 1912. – № 31. – С. 2–3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
16. Саўка Каваль. Хоціно // Наша ніва. – 1912. – № 37. – С. 3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
17. Тутэйшы. Г. Радашковічы // Наша ніва. – 1912. – № 39. – С. 2 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
18. Д. Гарманавічы // Наша ніва. – 1912. – № 41. – С. 4 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
19. Палітычны неспакой і эміграцыя ў Амерыку // Наша ніва. – 1913. – № 2. – С. 2 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
20. Агідлівае бацькаубіўства // Наша ніва. – 1913. – № 3. – С. 3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).

21. Семігальскі О. Персяяленне ў Амерыку // Наша ніва. – 1913. – № 5. – С. 3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
22. Эміграцыя ў Амерыку // Наша ніва. – 1913. – № 11. – С. 1 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
23. Труп у пасылцы // Наша ніва. – 1913. – № 13. – С. 3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
24. Язэп Л. Дык што-ж рабіць? // Наша ніва. – 1913. – № 16–17. – С. 1 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
25. Амерыканцы // Наша ніва. – 1913. – № 24–25. – С. 2 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
26. «Брухарэзы» // Наша ніва. – 1913. – № 31. – С. 3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
27. К. М. Селянскіе дзеці // Наша ніва. – 1913. – № 32. – С. 2–3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
28. Пятрок з Вярхоўя. Да нашых беларускіх інтэлігентоў // Наша ніва. – 1914. – № 1. – С. 1 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
29. Лемеш. З вязсковага жыцця // Наша ніва. – 1914. – № 3. – С. 1 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
30. Б. С. З Віленшчыны. Дзісна // Наша ніва. – 1914. – № 13. – С. 3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
31. Смургонец. З Віленшчыны. Няма каго арыштаваць // Наша ніва. – 1914. – № 14. – С. 2 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
32. *Воронич Т. Мошенники Вильны (конец XIX – начало XIX века) / Т. Воронич // Социальные группы и их влияние на развитие общества в XVI–XIX веках = Grupy społeczne i ich wpływ na rozwój społeczeństwa w XVI–XIX wieku: сб. науч. ст. подгот. на основе докл. участников междунар. конф., сост. в Ин-те истории Литвы 8–9 окт. 2014 г. / Lietuvos istorijos institutas; сост. Т. Байрашаускайте. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2015. – С. 363–383.*

(Дата поступления: 04.12.2020).